

основания, чтобы, оценивая пройденный путь, быть довольным собой. С присущим ему чувством юмора он записывает в своем дневнике: «Я чувствую себя мощным паровым молотом, способным ковать детали для гигантских турбин».

Пришло признание. Он награжден медалью «За трудовое отличие», орденом «Знак Почета», ему присвоено звание заслуженный деятель науки Российской Федерации и звание почетного профессора Саратовского государственного университета. Имя его известно далеко за пределами Саратова и России, десятки его учеников вышли в большую жизнь, став кандидатами и докторами наук. Яков Фомич гордился их успехами, и даже когда кто-то из успешных учеников предавал его, он не испытывал, по его собственному признанию, ни обиды, ни зависти, ни отчаяния. Главное для него – остаться самим собой. Это и есть основное достижение, вызывающее благостное состояние: «Не ушел из самого себя, не утратил самого себя. Реализовал самого себя, состоялся».

Незадолго до смерти он решил уйти на пенсию, сказав, что здоровье не позволяет работать так, как он хотел бы. Но при этом Яков Фомич выразил надежду, что навсегда останется с университетом, «как и он со мной».

Яков Фомич ушел из жизни 30 октября 1997 года. Так случилось, что октябрь стал и временем его рождения, и временем смерти. Сошлись начало и конец, завершив путь большого, мудрого человека, шагнувшего в вечность. Но надежда его сбылась: он навсегда остается с университетом, как того и желал. Его именем на факультете философии и психологии названа одна из аудиторий. Об этом свидетельствуют мемориальная доска на двери и большой портрет ученого в аудитории. Лучшей памятью, данью человеку, создавшему свою философскую школу, стали философские чтения, носящие его имя, которые раз в два года проводят его ученики, передавая эстафету памяти о нем последующим поколениям.

Г.Н. ПЕТРОВА, О.И. КУЛАПИНА, Р.Д. КЛОЧКОВСКАЯ

НАУЧНАЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОФЕССОРА Я.Ф. АСКИНА

*Меня когда-то друзья звали Янусом.
Оказалось пророческим: Янус ведь
бог времени. Это был перст мне
посвятить себя проблеме времени.*

Яков Аскин

Опорой ученого была и остается философия, именно в ней Аскин видел смысл своей жизни. А сама его философия была жизненной, открытой человеческому разуму. Мало кто из современных философов смог создать свое философское мироздание. Яков Фомич создает свою философскую вселенную. Как отмечает один из его учеников, академик РАН В.Б. Устьянцев, его необычная, пульсирующая духовная субстанция начинается и завершается осмыслением фундаментальных основ бытия. Его философия может быть названа философией начал, и основные понятия ее – становление, время, детерминизм, развитие, творчество. Именно этот логический ряд выстраивается на протяжении творческого пути философа. Каждое из этих начал обосновано Яковом Фомичем онтологически, выражено в философских понятиях и категориях. Под редакцией Аскина выходят коллективные исследования, посвященные философским принципам и категориям: «Принцип развития» (1972), «Принцип единства» (1980), «Принцип детерминизма» (1983), сборники «Общество и природа. Вопросы методологии» (1987), «Философские вопросы теории творчества» (1992). Он являлся одним из авторов коллективных монографий «Бесконечность и вселенная» (1969), «Пространство, время, движение» (1971), «Ритм, пространство и время в литературе и искусстве» (1974), «Философские

основания естественных наук» (1976), «Время и философские учения» (на английском языке 1977 г., на французском 1978 г.), «Н.Г. Чернышевский и современность» (1980), «Материалистическая диалектика и общая теория развития» (1982), «Пространство и время в искусстве» (1988). Это лишь немногий перечень работ из богатейшего наследия мыслителя, которое включает в себя более двухсот научных работ, множество брошюр и, конечно, монографии «Проблема времени. Ее философское истолкование» (1966) и «Философский детерминизм и научное познание» (1977).

Книга «Проблема времени. Ее философское истолкование» родилась в процессе работы над докторской диссертацией. Она стала первым серьезным шагом к восхождению на философский Олимп. Оценивая ее значение, сам философ напишет, что поистине его книга стала общепризнанной, основополагающей, а он оказался отцом целой школы, родоначальником целого направления. Именно эта книга принесла Аскину международную известность, будучи переведенной на ряд языков (испанский, португальский, в частности). Позже его труды публикуются в Болгарии, Бразилии, Венгрии, Германии, Франции. По оценке самого философа, книга «Проблема времени» методологически насыщена «философией начала» второй половины XX века.

Время как одно из начал философии представит в его работе способом осмысления субстанциальных свойств Вселенной, материального мира. При этом Яков Фомич отходит от традиционного, сложившегося в философии подхода рассматривать время в контексте проблемы «пространство и время». Он стремится раскрыть сущность времени, используя в качестве основной категорию становления, опираясь на идею Гегеля о связи времени со становлением, но эта идея получает у него новое звучание. Выдвигая временные структуры одним из оснований мироздания, Аскин приходит к новой постановке проблемы противоречивости всего сущего, формулирует антиномии, новые для рационализма второй половины XX века. Он усиливает категориальные структуры начал, выраженные в классической философии. Временные структуры материи не только обосновываются ученым в качестве одного из начал мироздания, но и раскрываются в методологических конструкциях.

Позже, выступая в Бухаресте на Четвертом Международном конгрессе по логике, методологии и философии науки с докладом «Проблемы времени в современной физике и его философская интерпретация», философ блестяще обосновал связь фундаментальных проблем времени с временными структурами микромира.

Понятие времени как атрибутивной формы бытия выводит философа на количественные (позже-раньше) и качественные (прошлое, настоящее, будущее) характеристики темпоральности. Понятие «позже-раньше» раскрывает последовательность событий, что и образует течение времени. Но время не само движется, а движутся вещи во времени. Модусы времени (прошлое, настоящее, будущее) характеризуют, подчеркивает Аскин, реальные отношения между состояниями объекта в процессе его развития. Различие между настоящим, прошлым и будущим есть различие между осуществившимся, осуществляющимся и пока еще не осуществленным. Здесь временной аспект изменения выражает именно процесс становления, переход между бытием и небытием.

Тема времени навсегда останется сквозной в творчестве философа. Время и вечность, время и культура, социальное время – все это входит в сферу его научных интересов. Под руководством Аскина на кафедре защищается первая в СССР диссертация по социальному времени (преподаватель Н.И. Листвина), что дало мощный толчок к дальнейшему интенсивному исследованию данного феномена советскими философами.

Наряду с понятием социального времени вводится понятие исторического времени. Эти понятия, показывает Яков Фомич, связаны друг с другом, но не являются тождественными. Социальное время как длительность и существование человеческой деятельности, общественных процессов и социальных субъектов выступает в

качестве исторического времени, содержание и масштаб измерения которого соответствуют скорости протекания социальных процессов в разные периоды исторического развития.

Вступая в полемику с теми, кто выступал против понятия модификации времени (существования наряду с физическим геологического, биологического и т.д. времени), он настаивает на признании многообразия времен и в этой связи обращается к исследованию культурного и художественного времени. Культурное время рассматривается им как один из аспектов социального времени. В этом, по его мнению, проявляется один из методологических аспектов монистического подхода к миру, который, разумеется, не исключает учета специфики культурного времени. Временная последовательность исторических процессов и культурных состояний общества понимается философом как средство ориентации человека в мире и механизм его постижения. Поэтому культурное время (в контексте культурного пространства человека) следует рассматривать не только в форме историко-культурного бытия, но и в контексте личного существования, индивидуальности и структуры жизненной позиции индивида – вывод, к которому приходит философ.

Такой подход выводит Аскина на понятие субъективного времени личности. Последнее определяется им, с одной стороны, как последовательность событий, а с другой – как совокупность интенций человека, связанных с его поведением. Инверсию времени человека он связывает с его творческим мышлением и способностью осознать мир любого модуса времени. Это значит, что сознание человека способно перемещать его во времени. Направленность и необратимость социального и культурного времени, представленные в виде его личностного аспекта – субъективного времени, – приобретают относительную обратимость. Человек может мысленно воссоздать прежнюю ситуацию, представить в сознании прошлое, чтобы изменить настоящее и строить будущее. Осознание субъективного времени, считает философ, особенно важно для понимания жизни человека, так как отличие субъективного времени от объективного в том, что оно выступает в форме сознательного целеполагания.

Важный компонент культурного времени – художественное время, которому Яков Фомич посвящает ряд статей, опубликованных в сборниках «Ритм, пространство и время в литературе и искусстве» и «Пространство и время в искусстве». Публикацию данных статей он считает для себя знаменательным событием, ибо это выход в сферу для него незнакомую. Свою книгу «Проблема времени» он послал В. Шкловскому, В. Катаеву и П. Антокольскому. Интересна их реакция: Шкловский ответил письмом, Катаев – книгой, Антокольский поступил «более радикально» – использовал в своем «Кубике». Очная встреча с

писателем Шкловским подтверждает, что его труд не остался незамеченным. Окрыленный успехом и верой в свою научную состоятельность он продолжает разрабатывать эту «жилу». Смыслом произведения искусства, предполагает философ, является эстетически освоенное время, которое само обладает сложной структурой. Мир произведений искусства позволяет людям на уровне индивидуального сознания путешествовать во времени, предоставляя им удивительный способ завоевания господства над временем.

Человек осознает и постигает свою эпоху при помощи самосознания, а также существующих форм искусства, культуры в целом, практической и духовной деятельности. А сам способ переживания и осознания времени обусловлен культурно-исторически.

Для выяснения сущности времени, более углубленного его понимания следует идти дальше – от движения к развитию, что философ и делает, обращаясь к еще одной фундаментальной проблеме бытия – проблеме детерминизма.

На базе исследования методологических основ научного познания Яков Фомич предлагает обобщенную концепцию детерминизма, работа над которой началась задолго до опубликования книги «Философский детерминизм и научное познание». Еще в 1966 году в журнале «Вопросы философии» философ, включаясь в дискуссию вокруг понятия «детерминизм», начавшуюся в связи с новейшими фундаментальными открытиями в естествознании, высказывает мысль о нетождественности понятий «причинность» и «детерминизм». Причинность же он рассматривает как генетическое отношение, приобретающее временной характер: между причиной и следствием непременно следует ожидать временного промежутка. Переосмысливая существующее понятие детерминизма, он публикует сначала брошюру «Философский детерминизм» – своеобразный каркас будущей концепции, изложенной в монографии «Философский детерминизм и научное познание» (1977) Сам Яков Фомич называет эту работу продолжением книги «Проблема времени».

Понятие детерминизма философ связывает с представлениями об определенности вещи (события) факторами, которым данная вещь (событие) обязана характеризующими ее признаками и самим своим существованием. В этой трактовке детерминизм обозначает «связь, выражающую зависимость вещей и явлений в их существовании и изменении от любых факторов». Это определение обладало конкретным преимуществом: в нем понятие детерминизма не только связывается с положением о всеобщей взаимосвязи и взаимодействии (что, конечно, важно, так как взаимосвязь и взаимодействие являются основой детерминации любых видов), но и выражает активную сторону этой взаимосвязи, которая выступает как движение, развитие. Выстраивая здание детерминизма,

Аскин разрабатывает и классификацию детерминационных зависимостей, в которой он различает понятия формы (способа) детерминации, типа и вида детерминации.

Форма, или способ, характеризует конкретный процесс, осуществляющий детерминацию в том или ином случае. Виды детерминации характеризуют ее с точки зрения содержания детерминирующих связей и не включают в себя непосредственно указание на тот или иной процесс.

Виды детерминации могут быть структурированы на основании некоторых общих признаков по определенным типам. Положив в основу типологии временные отношения, философ выделяет три типа: детерминация прошлым, настоящим и будущим. Таким образом теория детерминизма связывается с учением о развитии. Раскрывая имманентную связь времени с причинностью, он отмечает, что последовательность временных моментов выражает чередование этапов, фаз развития, смену звеньев причинно-следственной цепи процессов развития. Еще раньше в монографии «Проблема времени» он показал, что время выступает как такая форма бытия всего сущего, которая связана с переходом между бытием и небытием, с тем, что определяется термином «становление». Сам же этот переход есть переход возможности в действительность. Подобный подход позволил философу, возвращаясь к модусам времени, определить прошлое как реализованные возможности, настоящее как переход возможности в действительность, будущее как реальные возможности, объективные тенденции, зреющие в недрах наличной действительности. «Великолепно-логический выход моего понимания развития в практическую среду» – так он сам определяет значение сделанного им вывода.

Стремясь найти выход в практическую сферу, философ обращается к проблеме управления общественными процессами, коренным признаком которого (управления) является его целенаправленный характер. Именно поэтому важное значение для характеристики объективных основ выработки целей управленческой деятельности имеет категория «тенденция». Тенденция, по мнению ученого, выражает будущее, вытекающее из реальной ситуации, складывающейся в настоящем и взятой с точки зрения ее включенности в процесс развития. Осознание тенденции развития экономических, социальных, культурных и иных процессов – необходимый фактор направленности управления на конечные результаты деятельности.

Метафизическое сведение реальности только к одному настоящему моменту лишает реальность длительности. Реализация тенденций социального развития, подчеркивает философ, – это глубоко творческий процесс, в котором важнейшую роль играет человеческий фактор. Но сама человеческая деятельность по созданию нового детермини-

рована, поскольку она обусловлена объективными законами, реализует объективные тенденции. Субъект проявляет свою созидательную роль, оказывая воздействие на противоборство различных тенденций. Именно он осуществляет выбор из имеющегося спектра возможностей, превращая их в действительность, в новую реальность с новыми возможностями. Обращает на себя внимание тот факт, что и в этих размышлениях философа акцент делается на аксиологический аспект: в процессе выбора из имеющихся возможностей важную роль играют ценностные ориентации субъекта, ценностный подход, ценностные установки общества. С этой точки зрения развитие личности, ее творческого потенциала оказывается важнейшей целью социального прогресса. В результате проблема направленности общественного развития связывается философом с проблемой человека. Так реализуется главная установка самого мыслителя – философия должна быть философией человека.

Идеи Якова Фомича открыли широкие возможности для исследований как в русле общей философской концепции детерминизма, так и в рамках выявления специфики детерминации в различных областях, изучаемых частными науками. В рамках первого направления речь шла о переосмыслении и интерпретации детерминизма как принципа, прежде всего, онтологии и гносеологии, выявлении его связей с другими философскими принципами. Установление связей принципа детерминизма с другими принципами, как было показано Яковом Фомичом, а затем и его учениками, обогатило интерпретацию каждого из принципов: развития, единства, самого детерминизма – и позволило представить детерминизм как всеобщий принцип бытия и познания, неотъемлемый компонент любой научной теории.

Играя важную роль в научном познании, принцип детерминизма выступает как регулятивный принцип в процессе научного исследования, позволяя правильно организовать последние, выбрать его направление, учесть или отбросить те или иные факторы, определяющие изучаемое явление. Исследование данного принципа имело еще одно следствие – оно способствовало решению проблем систематизации теории диалектики, ее категориального аппарата.

Концепция детерминизма, созданная саратовским ученым, не могла не привлечь внимания философской общественности. Появляются рецензии, отклики в различных изданиях, в том числе и в центральных журналах. Положительно оценивая в целом предложенное понимание детерминизма, некоторые известные философы выражают свое несогласие с введенной Яковом Фомичом категорией «детерминация будущим». Философа упрекают в ненужной засоренности философского языка и даже в налете мистицизма. Отвечая на появившуюся в печати критику, Яков Фомич пишет: «Оставив в стороне эмоции,

следует отметить, что неприятие «детерминации будущим», усмотрение в ней «элемента мистицизма» – это подход с позиций физиколистского, позитивистского мышления либо с точки зрения примитивного здравого смысла». С точки зрения философа, рецензенты не поняли сути дела, того, что понятие «детерминация будущим» есть часть концепции опережающего отражения действительности. Критики исходят из понимания детерминации только как силовой, фактически сводя ее лишь к причинности, и из обыденного понимания будущего как того, чего просто нет. С этих позиций, конечно, понять детерминацию будущим нельзя. Но позиции эти архаичны, примитивны и несостоятельны. Критика с таких позиций – не имманентная критика, она бьет мимо.

Отстаивая свою точку зрения, философ раскрывает собственное понимание будущего. Это не то, чего просто нет. Его ЕЩЕ нет в качестве реального бытия, но оно уже присутствует как поле возможностей, заряд потенциальной энергии, импульс творчества.

Время поставило точку в этой полемике, показав правоту саратовского философа, его позиции, его взгляда на развитие как направленный процесс, включающий в себя и детерминацию будущим. Категория «детерминация будущим» сегодня широко используется в философских исследованиях.

Работа над проблемами детерминизма не могла не вывести философа на вопрос о согласовании детерминированности и свободы. Для Аскина свобода есть нечто большее, чем только познанный необходимость (определение, на котором настаивала марксистская философия вслед за Спинозой и Гегелем). В своей основе свобода, по утверждению мыслителя, – это свобода воли, а воля – атрибут творческой личности, у которой свои мотивы, свои желания, свои критерии выбора. Так он подходит к вопросу, без выяснения которого, с его точки зрения, не будет завершена теория развития: как совместить детерминацию и творчество?

Проблема творчества, как показывают публикации и архивные документы Аскина, входит в круг его интересов приблизительно с конца 70-х годов. На первый взгляд может показаться, что это дань времени, так как интерес к творчеству как к объекту философского осмысления действительно характеризует рубеж 70–80-х годов. В 1979 году возникает «Симферопольский центр по изучению проблем творчества», а в 1989 году – союзная ассоциация «Теория творчества». Проходят многочисленные конференции, Всесоюзный семинар по проблемам методологии и теории творчества. Теория творчества начинает рассматриваться как самостоятельный раздел в философии.

Однако главная причина обращения Аскина к проблемам творчества менее всего связана с внешними обстоятельствами. Эта причина – назревшая внутренняя потребность обратиться к

ее изучению как самопознанию, познанию самого естества, сущности творческого акта. Не мог человек таких разносторонних интересов, такого высочайшего интеллекта, каким был философ Аскин, пройти мимо столь глубокого, специфического и во многом загадочного феномена, как творчество.

В стихотворении «Творчество» Яков Фомич так описывает необходимость обращения к названной проблеме:

*Но творчество! Это в природе
Корней и всего в глубине.
Оно, берedaющее, входит,
Дверь не прикрыв, ко мне.*

Сама категория творчества рассматривается ученым весьма многосторонне: не только сквозь призму разработанных им категорий и понятий – времени, детерминизма, – но и через раскрытие неперемного атрибута любого творческого процесса свободы. Свою задачу он видит в том, чтобы выявить суть, природу, специфику творческого процесса, определить его закономерности. При этом он опирается не только на философские знания, но и другие его сферы – физику, химию, биологию, обращается к конкретным примерам из художественной литературы, как отечественной, так и зарубежной.

Особый интерес представляют его размышления о творчестве как феномене, устремленном в будущее. По сути, вся его концепция творчества основывается на едином подходе. Все фундаментальное, что есть в человеке, в обществе, в социальной сфере движения – специфическое проявление общих черт мира, – имеется в других формах движения в специфической, иногда неразвитой форме. Следовательно, все развитие направлено на совершенствование мира, на его будущее, а это значит, что оно включает в себя творчество. Обращенность творчества в будущее органично, более того, само будущее связано своим существованием творчеству. Не видя творческой природы мира, невозможно обнаружить движение и время. Приписывать творчество лишь человеку равносильно тому, чтобы лишить мир существования во времени. Такое понимание творчества шло явно вразрез с общепринятыми представлениями, что творчество – чисто человеческая принадлежность. Его понимание сводится к тому, что основные человеческие бытийные свойства являются выражением всеобщих свойств бытия с учетом своеобразия, соответствующего, материальных и духовных начал рода человеческого. В сущности, без исходящей из античности идеи родственного единства микрокосма и макрокосма, по мнению Якова Фомича, философия как теория всеобщего теряет смысл.

Можно соглашаться или не соглашаться с данной точкой зрения, но это его позиция, имеющая основания, уходящие во времена античности: в

той же мере, в какой химические элементы человеческого тела подобны химическим элементам природы, свойства человеческого духовного мира есть выражение некоей мудрости, разлитой во Вселенной. Мудрость эта понимается в виде Мирового Разума. Наука и философия понимают ее рационалистически, как объективные закономерности действительности. Таков его подход к пониманию творчества и времени.

Человек, существуя во времени, не просто погружен в поток геофизического окружения, он своей деятельностью, преодолевая реальное бытие, также слитно образует течение времени, которое есть выражение процесса развития, сменны его этапов. Закономерность истории – это во многом дорога, которая выстраивается по следам прошедшего. Люди могут видеть ее более или менее четко позади себя, но она весьма неопределенно предсказуема. Сама жизнь воспринимается философом как развитие, рост, впитывание нового. Даже жизненные огорчения, пишет философ в своих дневниках, должны восприниматься как принцип роста, стимул развития. Сознание того, что ты не обречен наличному бытию и потому возвышаешься над ним, не чувствуешь ярма над своей жизнью, порождает ее радостное ощущение. Радость от того, что жизнь – не закончена, что она показывает выход вперед – в новое будущее. Но это не противоречит пониманию наличной жизни как роста, развития. Наоборот, это входит неперемного ингредиентом в восприятие настоящего как развития – ингредиент чувства будущего, осознание реальных возможностей.

Возвращаясь к вопросу о том, согласуются ли друг с другом детерминизм и творчество, Яков Фомич утверждает, что, несомненно, творчество подвержено закону детерминизма, но это детерминизм вероятностный, многозначный, как многозначно и полифункционально творчество, которое лишает мир механистичности. Отсюда вытекает личностная позиция: кто мирится с зависимостью от чужой воли, кто жертвенно согласен, чтобы им манипулировали, тот не может быть творцом. У него нет и будущего. Более того, он лишен и прошлого, ибо прошлое, которое не порождает будущее, мертво. Но что тогда остается от настоящего, которое представляет собой не что иное, как переход между прошлым и будущим? Человек без творческого бытийного начала оказывается человеком, убившим в себе время.

Особое место в наследии Аскина по вопросам творчества занимает его рукопись-лекция «Творчество как философская категория» (1991). В ней ученый говорит о своем творчестве в философской науке, о публикациях, посвященных проблемам творчества. Получение пусть небольших, но все-таки результатов и есть достижение чего-то нового, чем и характеризуется творчество. Он критикует Анри Бергсона за его элитарную концепцию творчества и культуры. Подчеркивая значимость творчества как фундаментального

социального феномена, Аскин рассматривает его в качестве атрибута духовной субстанции. Слова Якова Фомича о закономерности развития творческого начала в человеке с успехом могут быть адресованы и к самому философу: «Чем сильнее представлено в человеке творческое начало, тем больше у него будущего и тем дальше оно простирается, делая просторнее временные рамки личности».

С особым почтением, даже поклонением Яков Фомич относился к творческим людям, вместе с тем считая, что существует разница между человеком и его творением. В этом он видит мерило таланта – произведения значительнее своего творца. Удивляет глубокое постижение ученым сути творческого процесса, чему, очевидно, способствовали его любовь к поэзии и собственное поэтическое дарование. Философ считал, что писание стихов оказало на него полезное влияние: «На всякое писание (по философии) я смотрю как на нечто творческое, а если нельзя писать творчески, то и вовсе не стоит писать. Невозможно писать по чужим мыслям. Обязательно должно быть что-то свое». Поэтические его пристрастия связаны с именами тех поэтов, которые представляли современную философскую лирику: Е. Винокуровым, Д. Самойловым, Б. Слуцким, Л. Мартыновым. Если предположить невероятное, что Аскин не стал бы профессиональным философом, то он наверняка мог состояться как писатель или поэт. Его печальные стихи «Осень», «Раздумье», «Памятники» – о жизни, о вечном, о войне и военном поколении, о счастье, горе, творчестве, стихи о стихах, о временах года, о смерти, после которой открывается «второе дыхание».

Еще будучи студентом Московского государственного университета Яков Фомич ходил в поэтический кружок, из которого впоследствии вышли такие известные поэты, как В. Кулемин, В. Солоухин. Он бережно хранил афишу о творческом вечере поэзии, где среди известных поэтических имен было и его имя.

Еще один мощный источник творчества самого философа – чтение, которое он называл благословенным занятием. «Как хорошо, что мне все время интересно читать!» – восклицает он. Ч. Диккенс, Ф. Рабле, В. Гете, В. Шекспир, Э. Хемингуэй, Д. Лондон, Т. Манн, С. Мюзе – далеко не полный перечень его литературных пристрастий из числа западных писателей. Но предмет его особой любви – русская литература, особенно классическая. Он называет ее величайшей из литератур, видя ее величие в том, что она сознательно стремилась раскрыть суть жизни, ее разновекторность, выявив в явной форме глубины и движущие пружины бытия. Ее, отмечает философ, не устраивало скольжение по поверхности, не удовлетворяли отдельные наблюдения. Толстому, Достоевскому, Гончарову, Тургеневу необходима была сущность, необходимо было целое. Меньше чем на главное они не были согласны.

Талантливая, искренняя, правдивая (такими эпитетами награждает русскую литературу философ) литература эта не менее близка и современна, чем многие произведения современной литературы, ибо она о сути жизни, об основном в человеке. Оценки прочитанных философом произведений – в первую очередь оценки философа. В этой связи интересно его отношение к роману Гончарова «Обломов»: «Он понят лишь с одной стороны – со стороны обломовщины как социального явления, а личность Обломова как объекта любви окружающих его людей осталась вне поля зрения. У него нет того, на что направить мысль, намерения. В этом виден человек, хотящий жить по большому счету. Антиобыватель. Весьма характерно для ценностной ориентации Обломова: он будущим мерит настоящее, не живет сегодняшним днем, а подходит к ценностям с точки зрения будущего. Временное мышление у Обломова».

Не менее интересна оценка им романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита»: «Какое разительное моделирование истории, того, что обычно охватывает столетия. Связь времен, связь эпох – живое единство рода человеческого, единство, цельность исторического процесса. В этом гуманизм книги». Неоднозначно отношение философа к творчеству Ф.М. Достоевского. То он кажется ему нудным, мелким и даже мелочным, несмотря на всю его репутацию «певца глубин души», то он говорит о сильнейшем впечатлении от прочтения его романов, в частности «Братьев Карамазовых». С точки зрения Аскина, человек Достоевского – человек, не осознающий феномена своего «Я» – неожиданность собственных действий для самого себя, способность к поступкам, которых совершенно не предвидишь, о совершеннии которых не думалось раньше. И снова, будучи философом, главной темой которого было Время, он видит особенность Достоевского-писателя в том, что у него очень развито чувство длительности времени. Минута для него – целый срок, а две минуты – очень долго.

Творчество Б. Пастернака философ воспринимает как гимн повседневности, радости, обычной, бытовой жизни. В целом же он воспринимает любую талантливую книгу не как объект для критических высказываний, а как благодарный читатель, получающий удовольствие от встречи с подлинной литературой, которая помогает человеку нравственно совершенствоваться, осмысливать собственную жизнь. Встреча с хорошей книгой, по мнению философа, – это праздник, событие.

Еще одна грань богатой, насыщенной жизни ученого – его педагогическая деятельность. Он не оставил каких-то специальных трудов по педагогике, учебников по философии, но сохранился его богатый архив, в котором есть тексты лекций, прочитанных им студентам и аспирантам, наброски статей. Остались в памяти его выступления перед коллегами на заседаниях кафедры и городском семинаре, личные беседы, позволяющие

охарактеризовать его взгляды на образование в целом и место в нем общественных дисциплин, прежде всего философии. Не стоит забывать, что творческая деятельность Якова Фомича пришлась на годы самой жесточайшей идеологизации образования, того периода в истории отечественной философии, когда она была, по сути, превращена в служанку политики. В частности, преподавание ее, как и других общественных наук, с необходимостью предполагало изучение партийных документов. Как и большинство других, Аскин вынужден был следовать «правилам игры». Но и в этой непростой ситуации он сумел сохранить в преподавании дух подлинной философии. Раздвигая жесткие рамки существующей идеологии, он не впал в крайность, свойственную многим философам 70–80-х годов, которые находили свою нишу в философских вопросах конкретных наук. Возражая им и, очевидно, разрешая собственные сомнения, философ замечает: «А может, философия должна быть методологией?» и сам отвечает: «Нет! Для нее фундаментальны проблемы онтологии, гносеологии с их категориальным аппаратом, которые всегда были, есть в различных философских школах и всегда будут. И работы, написанные по этим фундаментальным проблемам, с какой бы то ни было позиции, сохраняют и сохраняют свою познавательную значимость». Гносеологизация области вопросов естествознания, самого, казалось бы, «нечеловеческого» раздела философии – хорошая подготовка к тому синтезу, который должен выразиться в объединении всей философии как системы с желаемым для нее результатом. Обсуждению места человека в мире, смысла человеческого бытия, того, что может дать и должна дать только философия, необходимо подчинить изыскания в области общих законов мироздания.

Смысл реформирования образования, начало которому положила перестройка 90-х годов, он видел в повышении профессионализма преподавателей, преодолении догматизма мышления, так свойственного идеологам советского периода в нашей истории. Выявившиеся со всей щемящей душой очевидностью ошибки и трагедии в истории советского общества не могли остаться без внимания философа. И он в статье «Проблема человека и новое мышление» («Человек – философия – наука». М., 1988) ставит вопрос о месте и роли марксистско-ленинской идеологии – теоретического базиса всей государственной политики, хозяйственной деятельности, научного и художественного творчества – об ответственности этого учения в целом и обществоведов-преподавателей в частности за допущенные тягчайшие ошибки. Догматизм, робость мысли, привычка к конформизму, недостаточная компетентность – именно эти качества позволили власти держать в узде преподавателей, научных работников, обществоведческую мысль. Но главный недостаток ему видится в отстраненности общественных

наук от проблем, касающихся социальной проблематики. Философ ратует за такое мышление в науке, которое включает в себя новый подход к определению науки в общественной деятельности, в социальном направлении, утверждает знание как основу принятия экономических и политических решений. Только в этом случае экономика перестанет быть жертвой и заложницей идеологических установок и политических интересов. Освобождение от ненужной идеологизации может вернуть доверие нации к науке.

Говоря о социальных функциях обществознания, Аскин подчеркивает, что нельзя сводить его роль только к политике в управленческой деятельности. Важна также просветительская роль, даже проповедническая. Понятно, что речь идет о проповеди реальных духовных ценностей. И здесь важна роль философии, которая является главной разработчицей гуманитарных ценностей, а следовательно, ответственной за душевное здоровье нации. В одной из своих лекций для студентов он говорил о необходимости вступать в диалог со сторонниками альтернативных течений, в частности религии. Изменение отношения к последней он считает убедительным показателем плюрализма мнений как реальности современного общества. Участие представителей религии в политической жизни страны, встречи с ними – все это полезно и способствует укреплению демократии. Это вовсе не означает, что атеисты должны стать верующими и прекратить свою просветительскую работу. Но кто пострадает от того, спрашивает философ, что в религиозных проповедях будут внушаться идеи любви человека к человеку, милосердия, неприятия распутной и нетрезвой жизни, будет оказываться благотворительная помощь нуждающимся в ней?

Требования, предъявляемые философом к общественным наукам, реализуются им в преподавательской деятельности. Читаемые Яковым Фомичом лекционные курсы отличались исключительной информативностью, глубиной, актуальностью поднимаемых им философских проблем. Следуя принципу профильного преподавания, он сближает проблемные поля философии и конкретных наук, в зависимости от того, к кому обращена данная лекция (а читал он их и на физическом факультете, и на механико-математическом, и на историческом). Профильное преподавание в его понимании – это, прежде всего, обращение к методологическим вопросам науки, а также подбор соответствующего иллюстративного материала, отражающего специфику данного факультета. Насколько серьезно Яков Фомич относился к профильному преподаванию говорит тот факт, что он, уже будучи философом, окончил вечернее отделение физического факультета и посещал лекции на механико-математическом. В течение всех лет работы в университете он поддерживал контакты с кафедрами как естественных, так и гуманитарных факультетов. Последние годы он

отдавал предпочтение работе на филологическом факультете, возможно, потому, что вплотную занялся проблемами творчества и культуры. Здесь и проявились его эрудиция, знание мировой литературы. Студенты поражались его умению «увязывать» философские вопросы с методологическими проблемами литературоведения и языкознания, показывать вплетенность философии в них. А литература и искусство часто становились тем эмпирическим базисом, на котором он выстраивал здание теории. Своя, оригинальная трактовка тех или иных литературных героев, в целом творчества того или иного писателя или поэта, собственное видение произведений придавали его лекциям проблемную насыщенность и тем самым формировали исследовательский интерес у слушателей, постигающих на живом примере искусство интерпретации. Такой подход фактически предварял ту установку, на которую ориентировано образование сегодня – учить учиться, формировать ум, хорошо устроенный, а не хорошо заполненный. Применительно к философии это означает учить философствовать, а не философии. В одной из лекций для аспирантов он говорил, что для ученика, студента умение приобретать знания – даже больше, чем сами знания. Следует культивировать ум. Философ должен философствовать. Следовательно, преподавание философии не может быть простым информированием. Главное, чтобы молодые люди, прослушав курс философии, умели мыслить, знали, во что верить, на какую иерархию ценностей опираться. Естественно, подчеркивал он, что философия не может и не должна предлагать готовые рецепты, но она позволяет разумно формулировать вопросы и видеть те критерии, опираясь на которые следует искать ответы на эти вопросы.

Имея дело с молодежной аудиторией, необходимо обращаться к волнующим ее проблемам. Культивируя дух свободного обсуждения, дух критики, он пишет, что важно и ценно поддерживать учеников, которые говорят нечто такое, что ты сам не говорил. Надо учиться у молодых, учиться всерьез. Фактически, это идея педагогики сотрудничества, основанной на субъект-субъектных отношениях, отношениях партнерства, когда учитель видит в ученике не послушного робота, а творчески мыслящую личность.

Яков Фомич читал самые разные лекционные курсы: курс общей философии, историю философии, логику. Интересна сама методика работы философа над учебными курсами. Каждой теме, как показывает его архив, отведена отдельная папка. В ней содержится первичный текст и новый. Множество вклеек, вставок, заметок на полях. Переработка первичного текста идет за счет появляющейся новой монографической и периодической литературы, собственных научных работ. Такое большое внимание философ уделял переработке текстов лекций в силу убеждения, что лекция должна быть интересна своей новизной.

Новизна эта теоретическая – то, что студенты не узнают вне лекций, но новизна есть и фактический материал. Оперативность лекций – важное преимущество перед учебником. Лекция, убежден философ, должна быть обязательно научной. История философии свидетельствует, что великие философы свои научные взгляды выражали в форме лекций. Будучи заведующим кафедрой, он требовал от своих коллег качественных текстов, ввел в практику обсуждение текстов на заседаниях кафедр. Лучшие из них отбирались в так называемый золотой фонд кафедры. Обосновывая необходимость иметь текст, Аскин говорил, что нельзя все держать в памяти и полагаться лишь на импровизацию. Последняя может присутствовать в лекции, и если она удачна, удачен тот или иной логический переход, следует это записать и доработать. Неожиданные, нечаянные мысли (вдруг подумалось), являющиеся новыми для тебя самого, требуют в дальнейшем обдумывания. И этот момент особенно ценен в лекции. Он позволяет испытывать удовольствие от того, что говоришь, что имеешь возможность излагать собственные мысли. Философ был убежден, что лекционная форма позволяет не только дать систематическое изложение курса, но и выработать собственную концепцию. В лекции многое раскрывается самому лектору, меняется, уясняется понимание многих вопросов. Результативность преподавания, был убежден философ, напрямую связана с индивидуальностью педагога, его умением формулировать личностный интерес. Здесь не последнюю роль играет личное знакомство студентов с публикациями, научными достижениями самого лектора, который может и должен использовать их, создавая свой лекционный курс. Роль живого слова незаменима при усвоении материала.

Лекции Якова Фомича отвечали его собственным требованиям и принципам. Одно из таких требований, предъявляемых к преподаванию философии, – следить за точным смыслом понятий, тщательно их анализировать, и анализ этот следует начинать с соотношения философских понятий с понятиями бытового языка и частных наук. Учебные пособия, написанные Аскиным для студентов («Движение – форма существования материи», «Философский детерминизм»), дают замечательный пример такой работы. Выстраивание семантических рядов, раскрывающих смысл того или иного понятия, способствует, с его точки зрения, более глубокому усвоению философских дефиниций. Аскин явно следует идеалам научной рациональности. Об этом свидетельствует его стремление рационально обосновать излагаемый материал, классифицировать, дифференцировать, выявить необходимые связи. Под логикой изложения он имел в виду не только логичность отдельно взятой лекции, речь шла и о внутренней логике всего читаемого курса. Для лекций по философии важна аргументация. Он отдавал предпочтение логической аргументации – она более всего дис-

циплинирует мышление, прививает вкус к методологической рефлексии.

Особое внимание как лектор Аскин уделял доходчивости лекций. Последняя достигалась, в частности, путем обращения к иллюстративному материалу из истории науки, а также к художественной и публицистической литературе. Момент этот особенно важен в преподавании на факультетах естественных наук, поскольку студентам этих факультетов более свойственно целерациональное отношение к миру, нежели ценностно-рациональное, без которого современный человек может превратиться в бездушного функционера. Поэтому очень важно показать, что «не все поддается исчислению по логарифмической линейке», – цитирует он Достоевского.

Интересны соображения философа относительно принципа проблемности в преподавании философии. С его точки зрения, говорить о проблемности как о особом принципе преподавания применительно к философии не имеет смысла, так как вся эта наука состоит из вечных проблем, необходимо включает в себя нерешенные вопросы. Однако можно понимать проблемность как раскрытие лишь некоторых философских проблем, объединенных в целостный блок в рамках определенной темы. Фактически, он говорит о чтении спецкурсов, настойчиво подчеркивая, что курс систематической философии должен быть целостным, а не распадаться на отдельные проблемы, вырванные из этой целостности в силу пристрастий читающего лектора.

Одна из идей Якова Фомича – снять барьеры между разными областями знаний – получила реализацию как в научной, так и педагогической деятельности философа. Доказательством служит не только прочитанный им курс лекций по философии, но и упомянутые ранее 10 выпусков «Методологических вопросов науки» – существенный вклад в поиск и выявление междисциплинарных связей, без которых трудно представить науку и преподавание сегодня.

Большое место в размышлениях Якова Фомича занимают проблемы, которые условно можно назвать следующим образом: как стать ученым и хорошим преподавателем? Как совместить эти виды деятельности? Исходная позиция ученого – гуманистическая: «Человек – начало всех начал, главная ценность в мире», поэтому философия, настойчиво подчеркивает он, должна быть философией человека. Этой установкой ему близок А.С. Макаренко. Он пишет в своих записях, что сущность Макаренко не в системе, а в ненависти ко всем системам и в горячей любви к человеку,

в вере в него, в неутомимой готовности помочь ему стать человеком. Начиная свой исследовательский путь он внушает мысль, что к успеху ведет трудолюбие. Непрерывное усилие должно быть нормой жизни, естественным, привычным способом существования. И своеобразная памятка для молодых ученых:

1) Писать нужно то, что самому интересно.

Дело, к которому не лежит душа, как бревно, лежит поперек пути. Само не делается и препятствует делаться другим нужным делам.

2) Работать в той же области, над той же проблематикой, надстраивая этаж над этажом, на одном и том же фундаменте; это эффективнее, чем строить новые постройки рядом, копая новые котлованы и укладывая новые фундаменты; быть многоэтажным домом, а не несколькими одноэтажными домиками.

3) В науке надо придумывать (я настаиваю на этом слове).

4) Быть самостоятельным: лучше отколоть хотя бы маленький кусочек от скалы непознанного своими руками, чем подбирать куски, уже отколотые другими.

5) Знать историю философии, прежде всего античной, так как Рим и Эллада выработали тот язык, на котором говорит цивилизация. Знание философских источников необходимо и для того, чтобы иметь перед глазами эталон, к чему следует стремиться, чему должны соответствовать твои работы.

6) Научная и педагогическая деятельность должна дополнять друг друга, взаимопроникать, поддерживая друг друга.

Осведомленность о последних достижениях философской мысли и наличие собственных оригинальных идей – неперемное условие деятельности вузовского преподавателя. Знакомясь с «педагогическими уроками» Якова Фомича, можно сделать однозначный вывод: основные принципы, на которые он опирался в преподавании, вполне отвечают духу, целям и требованиям современного образования – учить мыслить, давать представление о фундаментальных мировоззренческих проблемах, показывать единство научного знания, формировать целостную картину мира, развивать в учениках способность к проблемному видению. Примечательно высказывание философа: сделать людей счастливыми означает сделать их богатыми и образованными. Причем вначале их надо сделать образованными, а потом богатыми. Эта мысль была высказана задолго до того, как она стала главным лозунгом сегодняшней образовательной политики.